

Репертуар вариационных параллелизмов в героических сказаниях Н. Улагашева

Аннотация. Статья содержит анализ репертуара поэтических вариаций в 14 алтайских героических сказаниях, записанных от известного алтайского сказителя Н. Улагашева. Автор выделяет восемь тематических групп вариаций, сопоставляя их конкретные реализации в различных текстах.

The paper examines the enlistment of varying parallelisms in fourteen heroic epics collected from the famous Altai epic narrator Nikolay Ulagashev. The author marks eight topical groups of poetic variations comparing their implementations in different epic texts.

Ключевые слова: алтайский героический эпос, текстология алтайского фольклора.

Altai heroic epos, textology of Altai folklore.

УДК: 398.

Контактная информация: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, д. 6. Институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел.: (388-22)2-53-18, 2-89-99. E-mail: konun1974@mail.ru.

Одной из важнейших задач исследования устно-поэтического творчества является «освещение художественно-стилевых систем основных фольклорных жанров, прежде всего народного эпоса, оптимально воплотившего в себе фольклорную традицию, в русле которой он складывался и развивался» [Кудияров 1986: 114]. В этом ракурсе алтайскому героическому эпосу, как отмечает С.М. Каташев, «присуща развитая поэтика гиперболизма, художественных вариаций, изобразительной синонимии,

иносказаний, сравнений и т.д.» [1997: 29]. Уяснение структурных форм эпоса позволяет выявить важные типологические и отличительные черты в изучаемой эпической традиции, что имеет большое значение для освещения вопросов ее развития и взаимодействия с эпическим наследием других народов. Наиболее характерным стилевым признаком сказаний Н. Улагашева, как и в целом всей алтайской эпической поэтики, можно считать *вариационный параллелизм*.

Репертуар Н. Улагашева состоит из 31 сказания, из них 28 опубликованы. Из опубликованных текстов здесь рассматриваются только тексты из публикации А.Н. Баскакова. Это издание является для нас ценным прежде всего потому, что в нем наиболее точно по сравнению с другими изданиями передан подлинный язык сказителя; кроме того, все сказания опубликованы на двух языках – алтайском и русском – и снабжены сквозной нумерацией строк. Мы опираемся также на 9 сказаний в записи П. Маскачаковой (Архив НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова), в которых по мере возможности сохранены диалектные особенности языка сказителя.

В пяти сказаниях из публикации А.Н. Баскакова при общем объеме 7823 стихотворные строки выявлено 228 вариационных параллелизмов. В девяти рукописных сказаниях выявлено 287 вариативных описаний.

Весь репертуар вариационных параллелизмов в рассматриваемых сказаниях Н. Улагашева разделен нами по темам: 1) характеристика эпического персонажа (рождение, рост, бессмертие, красота); 2) психологическое состояние эпического персонажа (радость, гнев, испуг, плач); 3) реакция природы на появление и действия эпического персонажа (появление эпического героя, появление противника, появление богатырского коня, выстрел из лука); 4) богатырь в пути (стремительный отъезд, выезд из стойбища, въезд, быстрая и неустанная езда, стремительный бег богатырского коня, дальность пути, игра на музыкальных инструментах и пение в пути); 5) богатырский поединок (начало поединка, продолжительность, описание поля боя после поединка); 6) пир (начало, продолжительность пира, конец); 7) охота; 7) диалог богатыря со своим конем. (п. 6 цитатами не представлен)

Ниже мы рассмотрим эти тематические группы параллелизмов на конкретных примерах.

1) Характеристика эпического персонажа

Рождение эпического героя

В рассматриваемых героических сказаниях Н. Улагашева эта тема встречается только в двух сказаниях: «Кан-Тутай» и «Бойдонг-Кёкшин». В обоих сказаниях представлена распространенная в алтайском героическом эпосе сюжетная линия «рождение эпического героя от престарелых родителей».

Быстрый рост эпического героя

Характерная черта этой вариативной фигуры – ее гиперболическое описание:

<i>Јети ай уктап, ойгоноло көрзө,</i>	Семь месяцев проспав, проснувшись, видит,
<i>Буды өзүп, төстөктөн ажарга јеттир,</i>	Ноги косогор чуть не перевалили,
<i>Бажы өзүп, туудын мизине јуктаптыр.</i>	Голова острая горы чуть не достигла

[ФМ № 129, К-Т: 7].

Бессмертие эпического персонажа

В издании Н.А. Баскакова вариативное описание бессмертной души эпического персонажа встречается в трех сказаниях. Например, в сказании «Эрзамыр» оно выглядит так (перевод Н.А. Баскакова оставлен без изменений, но в некоторых случаях мы даем в скобках наш вариант перевода):

<i>Өлөтөн тыны јок,</i>	Не имеющий души, чтоб умереть,
<i>Агатан каны јок.</i>	Не имеющий крови, которую можно пролить.
	(Чтобы умереть – души [у него] нет,
	Чтобы вытечь – крови [у него] нет)

[Баскаков 1965, Эрз: ст. 262].

В записях П. Маскачаковой в соответствующих эпических формулах остается устойчивой только первая строка. Например, в сказании «Эр-Самыр»:

<i>Өлөр тыны јок,</i>	Умереть, души нет,
<i>Өзөр јажы јок.</i>	Состариться, годов нет

[ФМ № 130, Э-С: 11].

Подобная вариативная фигура неуязвимости может относиться как к положительному, так и к отрицательному эпическому персонажу.

Красота эпического персонажа

Идеальный облик, красота эпической героини в сказаниях Н. Улагашева выражается посредством уподобления ее небесным светилам. В рассматриваемых нами 14 сказаниях вариативное описание красоты эпической героини встречается 8 раз в почти буквальном повторении:

<i>Ары көрзө, ай кептү,</i>	Если отвернется, луной светится,
-----------------------------	----------------------------------

Бери көрзө, кун кептү.

А если прямо посмотрит, озаряет, как солнце
[Баскаков 1965, Эрз: ст. 851].

В сказании «Эр-Самыр»:
*Ары көрзө, ай кеберлү,
Бери көрзө, кун кеберлү.*

Туда посмотрит – подобна луне,
Сюда посмотрит – подобна солнцу
[ФМ № 130, Э-С: 19].

*Эки качары метилдеген,
Кашкак кажы чийе тарткан,
Эки көзи чолбон болгон,
Ары көрзө, ай кеберлү,
Бери көрзө, кун кеберлү.*

Две скулы мерцают,
Стройный стан, как линия, подчеркнут,
Два ее глаза, как утренняя звезда,
Туда посмотрит – подобна луне,
Сюда посмотрит – подобна солнцу
[ФМ № 132, Б-К: 19].

По словам С.М. Орус-оол, «подобное уподобление небесным светилам несет во всех сказаниях описательно-образительную функцию. Отождествление объектов с небесными светилами в разных традициях обнаруживает тенденцию к тому, чтобы превратиться в клише» [2001: 310].

В последней цитате, кроме устойчивой формулы описания красоты эпической героини, даются идеализированные описания частей тела персонажа – скул, стана и глаз. Во всех трех описаниях при опорных словах *көрзө* – «посмотрит» и *кеберлү* – «подобна» варьируются антонимичные наречия места *ары* – «туда», *бери* – «сюда» и существительные *ай* – «луна», *кун* – «солнце».

2) Психологическое состояние эпического персонажа

Радость эпического персонажа

Выражение радости эпических персонажей сказитель строит по принципу «небывалого прежде» состояния, проявляемого как бы впервые.

*Каткырбас бойым каткырдым,
Сүгүнбес бойым сүгүндим.*

Я сам, никогда не хохотавший, расхохотался,
Никогда не радовавшийся, я обрадовался
[Баскаков 1965, Эрз: ст.1268].

Гнев эпического персонажа

Чтобы конкретизировать силу гнева эпического персонажа (богатыря, хана), сказитель нередко прибегает к гиперболическим описаниям.

*Тенеридий күзүрт этти,
Темирдий сынгырт этти.*

Как небо, [гром] загремел,
Как железо, зазвенел
[ФМ № 122, К-Б: 8].

В рукописных записях четыре подобных вариативных фигуры в четырех сказаниях повторены почти буквально. Интересно, что в издании Н.А. Баскакова в аналогичных формулах слово *сынгырт этти* – «зазвенел» встречается в литературном варианте *шынгырт этти* – «зазвенел». В некоторых случаях описания гнева даны более развернуто: кроме уподобления небесной стихии, встречаются сравнения с голодным волком и вороном.

Испуг эпического персонажа

В сказаниях Н. Улагашева описание испуга эпического героя не встречалось. В двух сказаниях в издании А.Н. Баскакова выявлено описание испуга подземных ханов Алмыс и Шулмус, Ак-хана и семи Кезеров:

*Оны уккан Ак-каан
Чочубас бойы чочуды
Коркубас бойы коркуды.
Агарганы бир болды
Карарганы бир болды*

То услышав, Ак-хан
Никогда не вздрагивавший, вздрогнул,
Никогда не боявшийся, испугался.
Сначала побелел,
Потом почернел
[Баскаков 1965, Ш-М: ст.157].

3) Реакция природы на появление и действия эпического персонажа

В рассматриваемых сказаниях вариативные фигуры, описывающие реакцию природы на появление или действия эпического персонажа, употребляются применительно не только к богатырю, но и к ряду других персонажей. Выявлены описания реакции природы на появление и действия противника, богатырского коня, сватов, а также стрельбу из лука. Во всех вариативных фигурах устойчивая формула такова: «*Туунын-суунын бажына / Бос бороон түйүти / Айдын-күннинг алдына / Ачал туман түйүти* –

На верховья горы-реки / Серая мгла опустилась, / Под луной-солнцем / Холодный туман опустился»; глаголы изменяются по формам, но смысл вариации сохраняется. Традиционная в алтайском эпосе параллель «гора – река» в своем ситуативном текстовом оформлении в некоторых цитатах дополняет индивидуальные формулы Н. Улагашева, придавая убедительность и красочность гиперболизированным описаниям и усиливая степень фантастичности сцены появления эпического персонажа.

4) Эпический герой в пути

Прощание эпического героя перед дорогой

В некоторых сказаниях Н. Улагашева поездка эпического персонажа начинается с прощания перед дорогой:

Якшы-амыр жүрзем,

Бир жылдан жанарым.

Кандый комой болгожын,

Үч-төрт жылга жедерим.

Если хорошо-мирно [в пути] будет,

Через один год вернусь.

Если что-то плохое [в пути] случится,

То на три-четыре года задержусь

[ФМ № 130, Э-С: 49].

Несмотря на контекстуальную близость всех выявленных вариативных описаний, допускается небольшое варьирование в измерении эпического времени.

Стремительный отъезд

Турган изи артып калды,

Барган изи жок болды.

Где он стоял, остались следы,

Куда поскакал – следов не было

[Баскаков 1965, Эрз: ст. 227].

В первой строке вариативной фигуры допускается варьирование слов *ис* – «след» и *жер* – «место, земля» в репертуаре вариационных параллелизмов у разных сказителей, у одного сказителя и даже в пределах одного сказания.

Быстрая, продолжительная езда

Түрген-түрген желип ийди,

Түндү-түштү салып ийди.

Быстрой-быстрой рысью ехал он,

Днем и ночью скакал

[Баскаков 1965, К-К: ст. 179].

Это самая частотная вариативная фигура, встречающаяся в текстах сказаний в издании А.Н. Баскакова (26 случаев). В трех из девяти сказаний, записанных П. Маскачаковой, выявлены три аналогичные вариативные фигуры. Если сравнить эти вариативные фигуры с описаниями из публикации А.Н. Баскакова, то в первой строке во всех трех фигурах вместо сочетания «быстро-быстро» (*түрген-түрген*) следует «быстро-поспешно» (*түрген-түўкей*).

Неустанная езда

В издании А.Н. Баскакова выявлено восемь описаний неустанной езды эпического героя, в которых нет значительных контекстуальных и смысловых расхождений, например:

Эр бойында үйде жок,

Ат бойында сооду жок.

Ни себе, ни коню,

Отдыха не давал.

(У самого мужа привала нет,

У самого коня выстойки нет)

[Баскаков 1965, К-К: ст. 457].

Пространственное перемещение (дальность пути)

Канча тайга ажып турат,

Канча талай кечип турат.

Сколько гор переваливает,

Сколько морей переезжает

[Баскаков 1965, Б-К: ст. 1009].

В сказаниях, изданных Н.А. Баскаковым, приведенный пример вариативного описания дальности пути в идентичной форме встречается 12 раз. В сказаниях, записанных П. Маскачаковой, это вариативное описание представлено более развернуто и красочно. Например, в сказании «Кан-Бурхан» вариативно описывается душевное переживание отдалившегося от родных мест эпического героя (посредством прямой речи), вид родины издали – можно сказать, с высоты – и дальность преодолеваемого эпического пространства.

5) Богатырский поединок

Богатырский поединок в эпосе необходим для показа масштаба изображения, а также для того, чтобы выделить богатырские качества героя через описание его поступков, что способствует созданию эпического образа. Для этого вариативного описания характерно подробное изложение хода борьбы, состоящего из нескольких этапов. Богатырский поединок носит фантастический, гиперболический оттенок.

Диалог перед поединком

В некоторых сказаниях Н. Улагашева, как и во всех алтайских текстах, богатырский поединок начинается с расспросов и ответов. Например:

<i>– Талкан-күлүмди кем чачар?</i>	<i>– Талкан-золу мою кто развеет?</i>
<i>Тарыска-јуртумды кем бузар?</i>	<i>Убогое стойбище моё кто разрушит?</i>
<i>Өскөн күлүмди кем чачар?</i>	<i>Накопившуюся золу мою кто развеет?</i>
<i>Өргөмди кем бузар?</i>	<i>Дворец-юрту мою кто разрушит?</i>
<i>– Талкан-күлүңди мен чачарым!</i>	<i>– Талкан-золу твою я развею!</i>
<i>Тарыска-јуртун мен бузарым!</i>	<i>Убогое стойбище твоё я разрушу!</i>
<i>Өскөн күлүңди мен чачарым!</i>	<i>Накопившуюся золу твою я развею!</i>
<i>Өргөңди мен бузарым!</i>	<i>Дворец-юрту твою я разрушу!</i>

[ФМ № 128, Б-Ч: 9].

По словам З.С. Казагачевой, «не исключено, что это – одна из важнейших вариативных фигур, в которой закодирована первопричина основных конфликтов, составляющих содержание эпоса: уничтожение следов обживания, более того, уничтожение следов наследования ее с древности. А потому в противоборстве противники в первую очередь намереваются стереть с лица земли следы наследования с момента первозаселения» [2002: 146].

Продолжительность поединка

*Алты ай көрешилер
Алтайга неме түшпеди
Тогус ай тудушты
Тобуракка неме тушпеди.*

Шесть месяцев боролись,
На Алтай никто не упал.
Девять дней боролись,
На грязь [земли] никто не упал

[Баскаков 1965, Ш-М: ст. 961].

В данном случае мы видим гиперболизированное течение эпического времени, но есть случаи, где действие показано как близкое к реальности.

В сказании «Барчын-Бёкё» вариативно описывается не поединок, а битва эпического героя с массами:

*Кыйа-тейе чаап турды
Кыйын-тейин кезип турды.
Кайа-бийя чаба берди
Кайралы жок берди.*

Стал рубить направо-налево,
Резать туда и сюда.
Рубить назад и вперед,
Резать беспощадно.
(Пополам-поперек рубил,
Косо-криво резал.
Назад-вперед рубить стал,
Без жалости резать стал)

[Баскаков 1965, Б-Б: ст. 1229].

Данная фигура интересна тем, что в ней присутствует расхождение, как бы неточность в соположении сопоставляемых параллельных понятий. Сочетания *кыйын-тейин* – «косо-криво» и *кайралы жок* – «без жалости», на первый взгляд, не синонимичны. Словосочетание «резать без жалости» содержит в себе выражение гнева, эмоции, т.е. это понятие эмотивное; предшествующее слово «косо-криво» – понятие чисто физическое. Эти слова в едином контексте как бы снабжают друг друга своим смыслом. Когда эти слова соседствуют, то на первое слово (в данном случае «косо-криво») накладывается семантический оттенок беспощадности.

б) Свадебный пир

Особый интерес представляет эта устойчивая формула, используемая сказителями применительно к церемонии сватовства:

*Кызыл элик туштаза,
Эт аларга.
Кыс бала туштаза,
Эш эдерге.*

Если красная косуля встретится,
Мясо хотел взять.
Если девушка встретится,
Женой хотел сделать

[ФМ № 128, Б-Ч: 17; ФМ № 132, Б-К: 20].

Здесь мы видим, скорее, психологический параллелизм, чем вариационный. В тюрко-монгольской народной поэзии различные формы психологического параллелизма представлены достаточно полно. По сравнению с песенным фольклором алтайцев, где построение народного стиха идет по такому принципу, в эпических произведениях вариативные фигуры параллелизма состояний природы и человека очень редки. Исключение не составляют и сказания Н. Улагашева.

Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба кижин). Тексты и переводы. М.: Наука, 1965. 340 с.

Казагачева З.С. Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск, 2002. 350 с.

Каташев С.М. Алтайский героический эпос // Алтайские героические сказания: «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Новосибирск: Наука, 1997. С. 11–46 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15).

Кудияров А.В. Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2002. 327 с.

Ойношев В.П. Система мифологических символов в алтайском героическом эпосе. Горно-Алтайск, 2006. 163 с.

Орус-оол С.М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М.: Макс Пресс, 2001. 422 с.